

для реабилитации цели уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК) уже достигнуты. Поэтому, на наш взгляд, следовало бы вывести указанную деятельность за рамки уголовного процесса, создав особое производство по реабилитации.

Возбуждать такое производство могли бы все органы, ведущие процесс. Однако непосредственные действия по реабилитации предпочтительнее производить суду, как наиболее авторитетному в глазах граждан органу. Впрочем, разумнее будет оставить этот вопрос на усмотрение самих граждан, имеющих конституционное право обжаловать в судебном порядке любые незаконные действия должностных лиц.

Содержание и форма данного производства будут задаваться установленным фактом несовершения преступления и соответствовать целям ограждения граждан от признанного незаконным обвинения, восстановления доброго имени, прав и законных интересов личности. Действующее сейчас Положение от 18 мая 1981 г. и Инструкция по его применению от 2 марта 1982 г. должны быть переработаны в единый нормативный акт, имеющий силу закона, о котором мы говорим в настоящей статье лишь в порядке постановки вопроса.

Итак, в уголовном судопроизводстве используются идеальные познавательные модели совершения и несовершения преступления. Первая — органами, ведущими процесс. Вторая — преимущественно адвокатом. Указанные модели во многом определяют форму деятельности соответствующих субъектов и помогают им правильно организовать свою деятельность. Последовательное использование второй модели предполагает расширение в уголовном процессе самостоятельности адвоката, составление им заключения по итогам предварительного следствия и приводит к постановке вопроса о создании особого производства по реабилитации.

1. Философский энциклопедический словарь М.: Сов. энциклопедия, 1983.
2. Арсеньев В. Д. Сущность и социальное назначение советского уголовного процесса // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Изд-во Краснояр. ун-та Красноярск, 1985.
3. Безлепкин Б. Т. Конституционное право граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного судебно-следственными органами // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981.
4. Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М.: Юрид. лит., 1978.
5. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа, 1979.

6. Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
7. Добровольская Т. Н. Возмещение материального ущерба, причиненного гражданам незаконными действиями должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981.
8. Кергандберг Э. М. О некоторых вопросах соотношения познания и уголовно-процессуального доказывания // Вопр. применения уголовно-процессуального законодательства. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1982.
9. Козлов А. С. Наука и методологическая организация судебно-следственного познания // Оптимизация расследования преступлений. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982.
10. Конюшкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
11. Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973.
12. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
13. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
14. Побегайло Г. Д. К вопросу о дальнейшей демократизации советской адвокатуры. Тр. Воронеж. ун-та, 1970. Т. 38.
15. Повышение роли адвокатуры в оказании юридической помощи гражданам // Сов. государство и право. 1985. № 1.
16. Повышение роли адвокатуры в оказании юридической помощи гражданам // Сов. государство и право. 1985. № 2.
17. Стецовский Ю. Н. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М.: Юрид. лит., 1982.
18. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973.
19. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
20. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.

В. Е. КОРНОУХОВ

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
«ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА»,
«СИТУАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ»
И «ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ»

За последние годы усилилась разработка теоретических основ расследования (см.: 21; с. 213; 6, с. 69; 8, с. 213; 27, с. 97; 9, с. 353). Не останавливаясь на многих сложных и спорных вопросах, обратимся к анализу того понятийного аппа-

рата, который используется многими или начинает интенсивно обсуждаться, т. е. он может быть положен в основу формирования теории.

В этой связи рассмотрим некоторые исходные положения. Во-первых, отметим, что в большинстве работ авторы не обращаются к анализу объекта познания и не исследуют его свойства, а это приводит к дискуссионности многих положений. С нашей точки зрения, объектом познания теории является деятельность следователя по расследованию преступлений, в которой можно выделить три группы свойств: собственно процесс расследования, управление процессом и условия деятельности. Оставляя пока в стороне анализ первой группы, кратко рассмотрим содержание второй и третьей. Вторая группа включает организационные основы деятельности и коммуникативные процессы, т. е. вопросы коммуникации, взаимодействие органов, принимающих участие в раскрытии и расследовании преступлений. Шире эти вопросы связаны с информационным обеспечением процесса расследования. Третья группа объединяет географические, природно-климатические, социально-экономические условия.

Во-вторых, заметим, что любое научное исследование, особенно при анализе социальных процессов, всегда связано с познанием типичного. В силу общеизвестности данного положения вроде бы нет необходимости останавливаться на этом, но, к сожалению, оно не всеми правильно понимается, что приводит к противопоставлению индивидуального и типичного, отдельного и типичного (см.: 4, с. 56). Между тем эти понятия находятся в диалектической связи, отражая разные стороны свойств объекта. Познание, абстрагируясь от единичного, включает в знание общее и особенное, которые выступают в качестве типичного, выражающего закономерное. Оно основывается на изучении отдельного (например, расследование по конкретному уголовному делу), содержащего черты общего, особенного и единичного. Таким образом, расследование по конкретному делу не только индивидуально, но включает в себя черты общего и особенного.

Рассмотрев исходные посыпки, проанализируем собственно процесс расследования. Необходимо подчеркнуть, что в одной из работ мы изучали его закономерности (см.: 17). Здесь же обратимся к тем из них, которые еще не были предметом анализа или о которых упоминалось вскользь. Прежде всего обсудим, есть ли основания для вычленения в деятельности следователя в качестве самостоятельного объекта —

процесса. В начале статьи были определены три группы свойств, присущие деятельности следователя. Первая из них характеризует собственно процесс. Заметим, что любая деятельность, в том числе и по расследованию преступлений, осуществляется через постановку целей, формулировку задач, через стратегию принятия решения. При этом цель «...как закон определяет способ и характер... действий» (1, с. 189). В свою очередь, выделение целей приводит к постановке задач (22, с. 20). Возникая как результат мышления, задачи отражаются в предметной деятельности, поскольку «переходы эти возможны потому, что внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение» (20, с. 101). Непрерывность процесса расследования обусловлена отношением между исходными данными о преступлении и обстоятельствами, подлежащими доказыванию, а динамичность — различием между предметом познания и обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Из сказанного видно, что имеются все основания выделить процесс расследования в качестве самостоятельного объекта познания. Таким образом, задача науки — познать типичный его характер, вскрыть закономерности¹.

С нашей точки зрения, закономерности процесса расследования проявляются через иерархические системы тактических задач. Значит, необходимо определить, что понимается под тактической задачей. Проанализируем определение, данное С. А. Величкиным, который под задачей понимает «основанную на уголовно-процессуальном законе систему конкретных, относительно самостоятельных следственных, оперативно-розыскных действий, тактических приемов, объединенных на определенном отрезке расследования общей, промежуточной целью» (7, с. 108). Однако такое определение противоречит общему пониманию задачи как отношению: дано — требуется установить. В этой связи обратимся к иным определениям задачи. В. М. Глушков, например, считает, что «задача в общем смысле — это ситуация, определяющая действие некоторых решающих систем» (12, с. 66), а А. Ф. Эсаулов — «задача — это более или менее определенная система

¹ В этой связи необходимо обратить внимание, что при научной разработке тех или иных методик по расследованию авторы приводят данные: изучено такое-то количество уголовных дел. Но для познания закономерностей процесса расследования этого недостаточно, поскольку в уголовных делах отражается не столько процесс, сколько результат деятельности.

информационных процессов, несогласованное или даже противоречивое соотношение между которыми вызывает потребность в их преобразовании» (25, с. 79). Таким образом, ученые из понятия задачи исключают процесс решения, а к числу отличительных признаков относят ситуацию, условия и требования (цель). Очевидно, что понятие «тактическая задача» должно основываться на исходном, поэтому под тактической задачей мы понимаем порождаемую ситуацией цель расследования, связанную с установлением промежуточных фактов или (и) обстоятельств, подлежащих доказыванию¹.

Исходя из определения, обратимся к анализу каждого из свойств тактической задачи. Прежде всего отметим, что вообще под целью понимается «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия» (2, с. 52). Как было сказано ранее, конечные цели расследования определены законом (ст. 68 УПК РСФСР)², но противоречивое отношение между исходными данными и обстоятельствами, подлежащими доказыванию, между предметом познания и обстоятельствами, подлежащими доказыванию, порождают непосредственные, промежуточные и частные цели расследования. Они нами уже рассматривались применительно к трехчленной классификации первичных материалов о преступлениях (см.: 16, с. 812). Однако нельзя считать, что классификация целей возможна лишь при большой общности информации, содержащейся в первичных материалах. Рассмотрим объем первичной информации по делам об убийствах. Он может быть подразделен на несколько групп: обнаружение трупа ребенка, частей расчлененного трупа, костных останков и т. д., а требуется установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. До того необходимо установить лицо, совершившее преступление, что уже определяется характером информации по той или иной группе первичных материалов. Так, при обнаружении частей трупа, костных останков вначале необходимо отождествить потерпевшего, поскольку факт тождества открывает возможность изучения связей потерпевшего, что позволяет почти по каждому пятому уголовному делу определить круг проверяемых лиц (см.: 18, с. 106). Таким образом, под целью расследования нужно пони-

¹ Очевидно, что тактические задачи можно выделить и при производстве отдельных следственных действий.

² Ссылаясь на УПК РСФСР, мы имеем в виду УПК других союзных республик.

мать как установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, так и промежуточных фактов на основе совокупности доказательств. Другой элемент задачи — ситуация. Однако прежде чем приступить к изучению ее функциональной роли, целесообразно рассмотреть существующие точки зрения, которые можно классифицировать по различным основаниям. Сначала проведем анализ, используя такое основание, как сущностная характеристика. Поэтому все определения можно подразделить на две группы. Авторы первой группы видят сущность ситуации в том, что она есть совокупность фактических данных (или сумма значимой информации, объем информации), определяющих действие (А. Н. Колесниченко, В. Е. Корнюхов, В. К. Гавло и др.), а второй — что это совокупность условий (или обстановки) (Р. С. Белкин, И. Ф. Герасимов и др.). Рассмотрим обоснованность предложений на конкретном примере. Допустим, совершено автотранспортное преступление и возможны две ситуации: водитель находится на месте происшествия или он скрылся. Оказывают ли условия влияние на эти ситуации? Конечно, нет. Они имеют значение, но совсем в другом отношении, о чем скажем несколько позже. Можно было бы привести и другие примеры, но они подтвердили бы то обстоятельство, что ситуация есть сумма (совокупность фактических данных) информации об обстоятельствах совершения преступления, которая типична. Условия, если под ними понимать географические, природно-климатические, социально-экономические, противодействие заинтересованных лиц, определяют не ситуацию, а способ действия, поскольку, как правильно заметил А. Н. Леонтьев, каким способом должен действовать субъект, «определяется не самой целью, а предметно-объективными условиями ее достижения» (20, с. 107), точнее, не только целью, но и предметно-объективными условиями.

Ситуации могут быть подразделены на группы по такому основанию, как функция. Так, по мнению И. Ф. Герасимова, ситуация, характеризуя обстановку расследования, обуславливает принятие решения (см.: 11, с. 6), другие усматривают ее функцию в том, что она отражает «с различной степенью адекватности многообразные логико-познавательные связи между установленными и неизвестными обстоятельствами, тактико-психологические отношения участников (сторон) уголовного судопроизводства... организационно-управленческую структуру и уровень внутренней упорядоченности

процесса» (13, с. 13). третьи — как имеющую существенное значение для уяснения происшедшего события, хода и состояния расследования (см.: 10, с. 40), четвертые — лишь как сумму значимой для расследования информации, имеющейся в распоряжении следователя к определенному моменту (см.: 23, с. 71). По существу этих определений можно высказать некоторые соображения. Во-первых, принятие решения характеризует не расследование, а мыслительный процесс, у которого есть свои закономерности, т. е. из понятия ситуации должен быть исключен такой признак, как ее оценка со стороны следователя.

Во-вторых, в суждениях Л. Я. Драпкина (см.: 13) смешиваются понятия «ситуация» и «задача», потому что задача, а не ситуация отражает отношения между установленными и еще неизвестными фактами, и не с различной степенью адекватности, а наиболее точно, ибо в этом смысл научного познания, его цель. Ситуация, входя в задачу (иначе нет смысла вообще говорить о ситуации), определяет цель и способы решения, но последние еще зависят от условий деятельности. Тактико-психологические отношения участников расследования, организационно-управленческая структура относятся не к задаче, не тем более к ситуации, а к условиям деятельности. При познании типичной системы тактических задач перед исследователем открывается возможность все-сторонне, применительно к каждой задаче, изучать организационные основы и условия деятельности, показывать взаимодействие этих свойств, но применительно к способу действия.

В-третьих, в определении В. К. Гавло (см.: 10) опять же смешивается отдельное (процесс расследования по конкретному уголовному делу) с типичным (по мнению В. К. Гавло ситуация имеет значение для уяснения происшедшего события), поскольку при изучении процесса познаются типичные ситуации, а при расследовании конкретного дела действительно типичная ситуация имеет значение для уяснения происшедшего события, но, как отмечалось, отношения между ними намного сложнее, поэтому данный признак (для уяснения происшедшего события) также не может быть отнесен к числу отличительных. Едва ли правомерно вводить понятие «выдвижение» и проверку версий, потому что это характеризует мыслительный процесс. Третий отличительный признак В. К. Гавло указан правильно, но он слишком общо раскрывает содержание ситуации.

В-четвертых, вряд ли можно согласиться с А. Г. Филипповым в том, что ситуация есть сумма значимой информации для расследования, так как в нем не отражена функция, а без этого вообще теряется смысл определения, поскольку любое понятие всегда функционально.

Изложенное позволяет дать формулировку определения, но прежде чем это сделать, необходимо внести еще некоторые уточнения. В литературе ситуация называется следственной, и это можно понимать в двух аспектах: как ситуацию, проявляющуюся в следственной деятельности, и как ситуацию, которая воспринята (отразилась в сознании) следователем. Очевидно, можно говорить о ситуации деятельности следователя, понимая под этим взаимодействие ситуации, организационных основ и условий деятельности лишь по конкретному делу, поскольку в реальном процессе они индивидуализируют не только ситуацию, но и в целом процесс расследования. Ситуацию, отражающую типичный процесс расследования, более правильно назвать ситуацией расследования (см.: 26, с. 13). Второй аспект возможного понимания следственной ситуации, как уже отмечалось, связан с закономерностями мыслительной деятельности, поэтому он должен фиксироваться иной системой понятий. Таким образом, ситуация расследования есть часть тактической задачи, которая содержит типично повторяющийся объем информации об обстоятельствах совершения преступления, определяющий цель расследования и тактические операции¹.

Исходя из определения тактической задачи, ситуации расследования, необходимо обсудить вопрос, входят ли тактические операции в содержание задачи. В научных исследованиях методы решения той или иной задачи представляют проблему, разрабатываемую учеными, но в методиках по расследованию они должны быть предложены и рекомендованы к практическому использованию. Таким образом, познание систем тактических задач предполагает и разработку тактических операций, поэтому последние, входя в содержание той или иной задачи, являются ее необходимой частью, хотя они и обладают определенной самостоятельностью по отношению к другим частям задачи. Значит, попытки разработать системы тактических операций вне анализа систем тактических задач заранее обречены на неудачу.

¹ Очевидно, что помимо ситуации расследования надо выделять ситуации, возникающие при производстве следственных действий.

При определении тактической операции большинство ученых в число ее отличительных признаков включают: во-первых, комплекс следственных действий; во-вторых, систему оперативно-розыскных мероприятий (см.: 14, с. 23—26). Из сказанного ясно, что тактическая операция есть порождаемая ситуацией расследования система следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленная на решение тактической задачи, которая обеспечивает эффективность решения и экономичность в использовании процессуальных средств доказывания¹. Основываясь на данном определении, рассмотрим более подробно отношения между ситуацией расследования и тактической операцией. Так, информацию, содержащуюся в первичных материалах об обнаружении трупа ребенка, можно подразделить на две группы, или две ситуации: первая характеризуется тем, что обнаружен труп ребенка и упаковочные материалы; вторая — наличием беременности и (или) ее прерыванием и отсутствием ребенка. Притом первая ситуация порождает цель — установление личности преступника, а вторая — проверку подозрения, которые определяют и тактические операции. Между тем тактическая задача, порождаемая первой ситуацией, не всегда может быть решена прямо, чаще вначале необходимо установить круг лиц, которые могли бы совершить преступление (круг проверяемых лиц). Таким образом, в этой задаче за счет выделения подцели ставится и подзадача — определение круга проверяемых лиц. При решении подзадачи используют систему действий: сопоставление данных женских консультаций со сведениями родильных домов; изучение путей доставки трупа для ориентировочного определения места жительства преступника; изучение следов с целью установления места жительства преступника или (и) определения их принадлежности конкретным лицам. Данная система действий образует тактическую операцию.

Из анализа особенностей расследования детоубийств вытекает, что ситуация расследования определяет тактическую операцию. Далее, в системе следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий реализуются процессы управления и условия деятельности, т. е. тактическую операцию

¹ Кроме тактических операций, необходимо выделять тактические комбинации, как совокупность тактических приемов, направленных на решение задач, возникающих при производстве следственных действий.

разрабатывают с учетом процессов управления, условий деятельности, что указывает на необходимость представления нескольких вариантов решения как относительно самостоятельных комплексов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий внутри тактической операции. Последнее можно дополнительно продемонстрировать таким примером: 14 июня в лесопосадке, на перегоне между станцией Крюково и Алабушево Октябрьской железной дороги, ближе к платформе Алабушево, был обнаружен труп задвинутой, изнасилованной и ограбленной Н. Дороховой. Для установления личности преступника были изучены связи потерпевшей, выяснено, что она делала накануне, но это не дало положительных результатов. Затем удалось узнать: она вышла домой поздно вечером последней электричкой в Крюково. Было необходимо найти очевидцев, и следователь создал несколько групп (по количеству вагонов), которые ряд вечеров сопровождали последние электрички и беседовали с гражданами. Таким образом был определен круг проверяемых лиц (см.: 31, с. 43). Возникает вопрос: что это, новая тактическая операция? В действительности же нет, только разновидность «подворного обхода», но условия совершения преступления, условия деятельности по расследованию определили специфику способа действия.

Говоря о нескольких вариантах решения задачи, необходимо заметить: некоторые сочетания следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий могут входить не в одну тактическую операцию, а в несколько, т. е. имеют «сквозной» характер, что является основой их группировки и в конечном счете позволит перейти к разработке иерархии методик по расследованию отдельных видов преступлений.

1. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 23.
2. Философский словарь. М. 1972.
3. Арцишевский Т. В. Выдвижение и проверка следственных версий. М., 1978.
4. Балугина Т. С. Следственные ситуации и планирование расследования // Следственная ситуация. М., 1985.
5. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М., 1974. Т. 3.
6. Васильев А. Н. Проблема методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978.
7. Величкин С. А. О соотношении понятий «тактический прием», «тактическая задача», «тактическая операция (комбинация)» // Проблемы укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве. Барнаул, 1985.
8. Возгрин И. Л. Криминалистическая методика. Минск, 1983.

9. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.
10. Гавло В. К. Следственная ситуация. М., 1985.
11. Герасимов И. Ф. К вопросу о следственной ситуации // Следственная ситуация. М., 1974.
12. Глушков В. М., Брановицкий В. М., Довгялло А. М., Рабинович З. Я., Стогний А. А. Человек и вычислительная техника. Киев, 1974.
13. Драпкин Л. Я. Общая характеристика следственных ситуаций // Следственная ситуация. М., 1985.
14. Дулов А. В. О разработке тактических операций при расследовании преступлений // 50 лет советской прокуратуры и проблема совершенствования предварительного следствия. М., 1972.
15. Князев В. А. О понятии тактической операции // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1982. Вып. 25.
16. Корноухов В. Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. Красноярск, 1982.
17. Корноухов В. Е. Расследование как процесс и его закономерности // Проблема доказательственной деятельности по уголовным делам. Красноярск, 1984.
18. Кульчинский Б. Г. Вероятностно-статистическая оценка эффективности тактических операций // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. Вып. 32.
19. Лагутин А. В. Тактические операции при расследовании преступления // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1980. Вып. 20.
20. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
21. Лузгин И. М. Методические проблемы расследования. М., 1973.
22. Тихомиров О. К. Психология мышления. М., 1984.
23. Филиппов А. Г. О соотношении понятий криминалистической характеристики преступлений и следственной ситуации // Следственная ситуация. М., 1985.
24. Шиканов В. И. Тактическая операция — важнейший структурный элемент следственной тактики и форма сотрудничества органов службы и дознания // Проблемы советского государства и права. Иркутск, 1975. № 9-10.
25. Эсаулов А. Ф. Психология решения задач. М., 1972.
26. Яблоков Н. П. Следственные ситуации в методике расследования их оценка // Вестн. МГУ. Сер. Право, 1983. Вып. 11. № 5.
27. Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования. М., 1985.

А. И. СТОЛМАКОВ

ПРАВООТРИЦАЮЩИЕ САНКЦИИ КАК ГАРАНТИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ИСТИНЫ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Совершенствование уголовно-процессуальных гарантий обеспечения законности, в том числе гарантий достижения

цели доказывания по уголовному делу, — одна из актуальных проблем науки советского уголовного процесса.

Процессуальные санкции являются важным элементом системы юридических гарантий, обеспечивающих охрану прав участников процесса и достижение истины по расследуемым делам. Однако многие вопросы теории санкций еще специально исследовались, например такой, как виды санкций.

В зависимости от способа охраны правопорядка санкции подразделяются на виды: правовосстановительные, штрафные и карательные. Но в уголовном процессе не упоминается о наличии такого вида санкций, как правоотрицающие. В работах же по общей теории права, вышедших в последние годы, правоотрицающие санкции (их еще иногда именуют санкциями «недействительности» или «ничтожности») справедливо причисляют к самостоятельному виду (см.: 6).

Разделяя полностью точку зрения о наличии правоотрицающих санкций, заметим, что этот вид санкций играет особую роль в уголовно-процессуальном праве, где нормам, регулирующим доказывание и познание истины, отводится весьма значительное место. Установление истины — необходимое условие законности и обоснованности всех процессуальных решений расследования и суда, в том числе и приговора. Важность установления истины по любому уголовному делу обуславливает необходимость иметь специальные надежные средства и методы ее познания, в частности использование доказательств.

В марксистско-ленинской философии четко сформулировано требование о соотношении истинности способа и результата познания. «Не только результат исследования, — писал К. Маркс, — но и ведущий к нему путь должен быть истинным» (1, с. 7). По выражению К. Маркса, «цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель» (2, с. 65). Эти высказывания имеют прямое отношение не только к пониманию доказательств как средств доказывания, но и к пониманию правоотрицающих санкций.

Характерной особенностью доказательств является специальный, предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок получения и закрепления фактических данных. Это значит: фактические данные приобретают доказательственное значение только когда они получены указанным в законе способом и с соблюдением процессуальной формы. Нельзя не согласиться с А. М. Лариным, который писал, что